

ПОНЯТИЕ НАДЫНДИВИДУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

А.И. Макаров

Как известно, Иммануил Кант ввел оригинальный концепт «трансцендентальный субъект» для того, чтобы в очередной раз поднять традиционную философскую проблему существования трансцендентного измерения реальности. Заслуга Канта в том, что он, будучи сыном Просвещения, понял и доказал, что без идеи надындивидуальных измерений бытия нельзя обосновать факт когерентности индивидуального человеческого мышления и человеческой жизнедеятельности. Он попытался объяснить природу надындивидуальных структур всеобщности, опираясь на чисто логические основания и исключив (как ему казалось) все теологические и метафизические посылки. Кант выдвинул теорию реальности, которая, с одной стороны, соответствовала бы древней метафизической концепции «двух миров», а с другой – не противоречила бы научной парадигме Нового времени. В это время в европейской философии уже прижился методологический принцип индивидуализма; он был настолько радикально противопоставлен принципу холизма, что вокруг каждого из этих двух принципов возникла не просто самостоятельная теория, но сформировались две враждующие парадигмы – индивидуализм и холизм (англ. «holistic») ¹. Наблюдая войну указанных методологий, миролюбивый по характеру «кенигсбергский отшельник» попытался примирить эти принципы в своей теории сознания.

После того как Кант доказал логическую необходимость существования надындивидуального измерения сознания, философы-неокантианцы, а затем почти вся западная философия занялись активными поисками референциальной реальности трансцендентального субъекта Канта ². Было выдвинуто огромное количество теорий, трактующих этот таинственный концепт; было обнаружено множество новых (вернее, хорошо забытых)

ракурсов рассмотрения вопроса об идеальных основаниях человеческого бытия. В качестве референта трансцендентального субъекта рассматривались социальность, язык, речь, культура. Для нашего исследования особый интерес представляет тот факт, что общим местом пересечения проблематик этих теорий является тема надындивидуального измерения памяти, тема традиции. Эти темы незаслуженно забыты в XVII–XIX веках. Сегодня проблема надындивидуального измерения памяти, традиции стремительно перемещается в центр внимания гуманитарных дисциплин ³.

На первый взгляд, может показаться странным, что интерес к проблеме надындивидуальных структур памяти начинает особенно остро осознаваться в современном мире, в «эру индивидов». С чем это связано? Видовое отличие человеческой памяти от нечеловеческих видов памяти состоит в том, что она связана, с одной стороны, с биохимией мозга, а с другой – с искусственными средствами передачи информации во времени и пространстве. Увеличение искусственного слоя окружающей среды приводит к тому, что память все больше начинает зависеть от культуры, а не от природы. В обществе, перенасыщенном культурными артефактами, история и традиция больше не вмещаются в индивидуальный опыт, очевидным становится то, что память, в основном, сохраняется в текстах и изображениях. Поэтому представления о памяти выходят за границы идеи индивидуального и возвращаются к идее внешней, надындивидуальной памяти – коллективной, социальной, культурной ⁴.

Идея надындивидуальной памяти возникает всегда в связи со следующей априорной установкой: нельзя сводить феномен памяти только к его внутреннему измерению. Мы зна-

ем наверняка, что наша способность помнить глубоко субъективна, но это не полная истина. Способность припоминать, то есть прибавлять к знанию настоящего знание прошлого, зависит от внешней по отношению к индивидуальному сознанию инстанции. Эту внешнюю инстанцию философы называют то «Мировой душой», то «самотождеством Я», то «запасом знаний», то «архивом»; помещают ее то в надмирное пространство, то в сверхсознание, то в подсознание.

Одним из эффектов личностного модуля сознания является способность *при-поминания* и *вос-поминания*. Эти свойства должны быть отнесены к стратегической памяти, которая обусловлена социально. Припоминание – это актуализация в настоящем опыта, приобретенного в прошлом, а воспоминание – это актуализация опыта, который приобретен в прошлом Другими и который, благодаря общению, присваивается Я. Способности воспоминания и припоминания, на первый взгляд, могут показаться свойствами индивидуальной памяти, на самом деле они требуют поддержки культурных форм, составляющих «корсет социальности» нашего Я. Если из поля зрения, слуха и памяти исчезнет исходящая от значимых Других живая речь, то сначала утрачивается способность любить и ненавидеть Другого (делать Его значимым), а затем начинают угасать память и интеллект. Личность без обращенных на нее взоров Других гаснет, как экран монитора, как улыбка чеширского кота.

Понятие надындивидуальной памяти возникает на стыке философской проблемы опосредования сознания идеальными объектами, социологической проблемы редуцирования содержания символических знаков (архетипических образов сознания) к социальным отношениям и культурологической проблематике функционирования института традиции. Проблема памяти – это другая сторона проблемы мышления: его обусловленности темпоральностью человеческого существования. Это единство констатировалось многими философами от Платона до Хайдеггера. Вытекающая из этого объединения тема историко-культурной традиции для своего решения требует обращения к вопросу о специфических способах организации, передачи и развер-

тывания запаса знаний, обеспечивающего жизнь социокультурных целостностей и идентичность их отдельных членов. На традиционном философском языке термин «запас знаний» соответствует понятию «опыт».

ПАМЯТЬ И ОПЫТ

Память – это способность, обеспечивающая запоминание (закрепление и сохранение), воспроизводство (припоминание), а также вытеснение из активного сознания (забывание) содержания прошлого опыта. Выделим в этом стандартном энциклопедическом определении памяти два смысловых акцента. Первый из них концентрирует внимание на моменте становления структур индивидуального сознания и психики человека. Это психолого-когнитивный аспект памяти. Философский аспект проблемы памяти задан включением в это определение понятия «опыт». По нашему глубокому убеждению, именно анализ понятий «опыт» и «организация опыта» дает ключ к более содержательным определениям памяти, нежели конвенциональные психологические определения. Стандартный психологический подход к феномену памяти затрагивает лишь ее внутреннее измерение, тогда как осмысление проблемы специфически человеческого способа организации, сохранения и передачи опыта неизбежно выводит на тему надындивидуального измерения памяти⁵. Традиционная для истории философии задача – это рефлексия над терминологическим аппаратом научных дисциплин. Поэтому мы и предлагаем проанализировать понятие «организация опыта», оказавшееся на периферии внимания психологии.

Если память – это условие функционирования содержательных элементов человеческого опыта, то ее структура, содержание и механизм функционирования должны находиться в прямом соответствии с теми формами человеческого опыта, которые она призвана организовывать для его сохранения и трансляции. Традиционно выделяются две основные формы (уровня) опыта – *индивидуальный* и *общественный*. Общественный опыт – это такой запас знаний, с которым со-

общается индивидуальное сознание, присваивая в процессе обучения его часть.

Впитывание опыта (вос-питание) зависит от той формы (ин-формация), которая предзадана: данные личного опыта – это, во многом, прошлый опыт предков. Прошлое, из которого приходит жизненно необходимая человеку информация, не есть прошлое индивидуально Я, это – прошлое Мы. Таким образом, можно сказать, что понятие «прошлый опыт», на котором базируются определения памяти как способности его сохранения, повторения и трансформации, содержит пласт смыслов, связанный с идеей трансперсональных (надиндивидуальных) структур сознания. Понятно, что *надындивидуальное сознание* – это только предельная абстракция, призванная выразить мысль о том, что сфера общественного опыта является единой, цельной и структурированной. Без этой идеи нельзя попытаться прояснить (и даже поставить) вопрос о передаче опыта от индивида к индивиду в пространстве (в синхронном режиме) и во времени (в диахронном режиме).

Нельзя обойтись без идеи внешнего носителя общих кодов при объяснении феномена традиции. Вынесенность общих кодов за пределы индивидуального сознания обеспечивает всеобщность опыта, мгновенную унификацию данных уникальных индивидуальных моментов опыта.

Говоря о трудностях физиологического редукционизма, мы не призываем отказаться от метода редукции и вернуться к спекулятивно-метафизическому подходу. Мы опираемся на метод, который базируется на тезисе о том, что *под видом психических процессов, а также под видом метафизических трансцендентальных сущностей скрывается социальность*. В свете этой идеи мы будем интерпретировать понятия философских теорий памяти.

ПАМЯТЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Понятия, на которых базируются те или иные системы философствования (в том числе теории памяти), представляют собой превращенные формы. Понятие «превращенные формы» – фундаментальный концепт теории

фетишизма, центрального элемента методологии социологического редукционизма. Эта теория возникла в результате попыток решения вопроса о детерминированности мышления социальностью. Эта проблема, поднятая еще К. Марксом и З. Фрейдом, нашла свое систематическое оформление в современных версиях теории фетишизма (см. подробнее: [3–5; 7, с. 211–255]). Превращенные формы, или фетиши, – это образы сознания, в которых сгущены социальные отношения. Эти отношения остаются за границами восприятия и понимания сознания. Фетишем является и понятие, содержание которого не только находится в соответствии со своим объектом, но и включает в себя информацию о сложной системе межчеловеческих отношений. Они «несут и воспроизводят в символическом виде энергию социальных связей, которая и изменяет отношения между объектом (даже неживым) и человеком, произносящим имя этого объекта» [8, с. 147].

Социальность – это складывающаяся в процессе совместной жизнедеятельности людей устойчивая система отношений, которая, закрепляясь в текстах культуры, обобществляется. Степень устойчивости социальной системы обусловлена способностью социума сохранять информационное ядро своей культурной традиции. Эта способность и называется надындивидуальной памятью, проявляющейся в индивидуальной памяти. Наиболее значимые из социальных отношений (те, которые обеспечивают выживание индивидов и коллективов) какое-то время удерживаются, повторяясь в живом общении (живая или «коммуникативная память»), а затем становятся содержанием стратегической групповой памяти («культурная память»), осаждаясь в артефактах человеческой жизнедеятельности, в текстах культуры в превращенной форме⁶.

Содержанием человеческого сознания, «веществом» рациональности являются образы и понятия. Среди многообразия образов и понятий выделяются те, на которых держится символический универсум группы. Это архетипические символы, которые обеспечивают понимание индивидом мира, адекватные цели выживания его референтной группы. Эта способность индивидуального сознания черпать коды для понимания из общественного

сознания на философском языке называется *рациональностью*.

Рациональность требует поддержки инстанцией, внешней по отношению к сознанию отдельного человека. Речь идет о *надындивидуальных структурах сознания*, которые присутствуют в мышлении индивида, образуя внутри эмпирического субъекта невидимый, или *трансцендентальный, субъект*. Основная функция надындивидуальных структур – обеспечение когерентности мышления и основанной на нем жизнедеятельности. В контексте проблемы обеспечения когерентности мышления и жизнедеятельности человека с помощью надындивидуальных структур всеобщности память может быть определена как способность закреплять и сохранять эти структуры. Понятно, что надындивидуальная память не может существовать без индивидуальной памяти, без биологической привязки к конкретному индивидууму. Индивидуальная память – это психофизиологическая сфера, вложенная в трансцендентальную сферу надындивидуальной памяти, без которой она не может функционировать.

ЯЗЫК И ПАМЯТЬ

Как уже было отмечено, к сущностным характеристикам понятия памяти относится ее отношение к двум уровням опыта – индивидуальному и общественному. Если человеческий опыт – это организованные (отобранные и преобразованные данные чувственного восприятия), то центральным вопросом для прояснения структурного аспекта феномена опыта является вопрос о способе или *схеме организации*. Само понятие «организация» логически предполагает оппозицию «неорганизованное – организованное». Представление о том, что нечто хаотичное (ничто) преобразуется в нечто (структурированную чтойность), опирается на понятие *границы* или *посредника* между двумя этими моментами.

Согласование между собой опыта различных людей, единство и общность человеческого опыта становятся возможны благодаря такому посреднику, как формы всеобщности культуры. Формами всеобщности явля-

ются символические комплексы (комплексы идей), с помощью которых люди получают возможность выходить за пределы наличной природной действительности (трансцендировать). Формы всеобщности позволяют сознанию занимать некую внешнюю точку, из которой упорядочивается хаотическое нагромождение данных чувственного восприятия. В этом смысле вся культура может быть отождествлена с языком, так как культура и есть совокупный, обобществленный опыт человечества. Суть развития языков культуры состоит в том, чтобы расширять индивидуальное сознание за счет его приобщения к сфере совокупного общественного опыта.

История культуры и современные исследования филогенеза и онтогенеза психики человека свидетельствуют о том, что именно надындивидуальные формы памяти были основанием для развития индивидуальных эффективных мнемонических приемов. Один из таких приемов – «правило рычага». Для того чтобы что-то припомнить, мы вызываем в памяти какой-то близкий к припоминаемому образ или всю ситуацию переживания прошлого впечатления, в результате которого сформировался искомый образ памяти. Таким образом, некоторое вспомогательное впечатление или представление используется как рычаг, внешнее средство припоминания. При неразвитой рефлексивной способности первобытного сознания точкой внешней опоры был ритуал. В этом психологическом смысле все ритуалы для первобытного сознания магичны или чудесны, так как организуют психические структуры сознания извне, «за спиной» сознания. На основании наблюдений за развитием способностей припоминания у детей психологи утверждают, что генетически первичны эмоциональные ассоциации, а более рациональные ассоциации – по сходству, различию и противоположности – вторичны (см.: [2; 10]). Используемое в психологии понятие ассоциации напрямую коррелирует с интересующим нас феноменом организации данных восприятия и переработки их в представление. Ассоциативность мышления – это фундаментальное свойство нашего сознания. Генезис этой структуры «идет от внешних связей к их интроекции внутрь психики и затем к проекции этих связей вовне как связанность

мира... цельность мира и себя, в своей исходной основе, задается человеку изначально» [6, с. 43]. Но что же является изначальноными внешними связями, которые проникают внутрь индивидуального сознания и изоморфно формируют его структуру? На этот вопрос мы находим ответ в философии социологического детерминизма и философии диалогизма. Первая базируется на идее о том, что онтологическим основанием для функционирования человеческой рациональности является его социальность, а вторая – на утверждении, что для кристаллизации феномена человеческой личности абсолютно необходим Другой. *Абсолютная необходимость Другого лежит и в основании способа организации любого человеческого опыта. Это утверждение позволяет сделать вывод, что главным для выживания человека в качестве человека является социальный тип опыта и социальная память.*

Социальный опыт – это особым образом организованный опыт. Специфика этого способа организации состоит в том, что исходное неорганизованное состояние чувственных впечатлений превращается в структурированное поле опыта в результате спонтанного поиска смысла давящей на сознание реальности. Это давление должно быть предельным для того, чтобы индивиды могли пожертвовать частными моментами индивидуального опыта и сосредоточиться на общих смыслах, ибо только смысл, разделяемый Другим, способен стать строительным материалом для истинных представлений о реальности. Модельной ситуацией такого давления реальности на сознание является ситуация смертельной опасности, смерти значимого Другого или, наоборот, ситуация счастья, соединения со значимым Другим.

Так же как и структуры социального опыта, структуры социальной памяти являются внешними по отношению к психике отдельного человека, хотя и не существуют без нее. Это области трансперсонального или надындивидуального. Закрепление с помощью языковых или вещных средств общих смыслов составляет содержание внешнего измерения человеческой памяти. Социальный опыт не передается биологически; его закрепление, сохранение и переда-

ча осуществляются посредством искусственных средств. Они и составляют надындивидуальную сферу, где продуцируются общие культурные смыслы. Такой сферой являются язык и речь. Язык как система общезначимых символов репрезентирует культурный аспект надындивидуальной памяти, а речь как обмен и обогащение символов значениями – ее коммуникационный или социальный аспект.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ НАДЫНДИВИДУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Понятие структуры надындивидуальной памяти указывает, в частности, на идею обусловленности памяти социальными и культурными факторами. Это разделение на социальное и культурное условно. Если смотреть под мнемологическим ракурсом на проблему социального опыта, то культура нужна человеку как «машина сохранения и обогащения общезначимых смыслов». Другими словами, основная функция культуры – сохранять универсальные коды, необходимые для передачи социально значимого опыта. Это делается с помощью «машин порождения человеческого в человеке» (М.К. Мамардашвили), которыми являются язык, искусство, нормы поведения, обычаи, наука, философия. В этом смысле культура – это совокупность «машин памяти».

Социально значимый прошлый опыт, передаваясь от поколения к поколению, определяет поведение людей (поэтому-то он и значим). И хотя индивидуальное поведение только в некоторой степени детерминировано опытом предков, человек всегда осознает, что живет не вполне автономно, что источник информационно-смыслового обеспечения его деятельности находится во внешней (и пространственно, и темпорально) его телу и психике сфере. Эта надындивидуальная сфера, откуда исходят импульсы, определяющие поведение индивида, представляется на начальных этапах развития культуры в виде абсолютного живого существа, затем в виде абстрактной области идеального. Память тоже долго относилась философами к этим инстанциям –

миру богов или миру идей. Эти образы «поминающих инстанций» должны быть истолкованы, на наш взгляд, как идеологические конструкции, представления о содержании и структуре которых обусловлены определенными историческими условиями развития человеческого общества и сознания. При этом мы не имеем точки опоры, чтобы судить о том, насколько истинными являются те или иные модели памяти. Целью историко-философского исследования является ответ на вопрос о том, какие культурно-исторические условия сделали возможными эти модели, по каким причинам и как происходил переход от одних представлений и теорий памяти к другим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ От греч. «оло» – «целый».

² И. Кант ввел это понятие, не объяснив оснований (кроме логических) его существования, так что к нему самому вполне применима его крылатая фраза, брошенная им как упрек метафизикам: «Они объясняют нам непонятное через еще более непонятное».

³ О причинах этого резко возросшего интереса к проблеме памяти и традиции см.: [1, с. 11–12; 9].

⁴ Мы употребляем понятие «надындивидуальная память» для описания философских аспектов феномена внешнего измерения памяти. Встречающиеся термины «социальная память», «коллективная память», «культурная память» акцентируют внимание на социальных, культурных, этнических аспектах этого феномена.

⁵ На эту мысль нас навело чтение книги А.И. Пигалева «Культура как целостность» (см.: [7]).

⁶ О соотношении содержания понятий «коммуникативная» и «культурная память» см.: [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 368 с.
2. Аткинсон, Р. Человеческая память и процесс обучения / Р. Аткинсон. – М. : Прогресс, 1980. – 528 с.
3. Мамардашвили, М. К. Анализ сознания в работах Маркса / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1968. – № 6. – С. 14–25.
4. Мамардашвили, М. К. Превращенные формы. (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М. : Прогресс, 1990. – С. 315–328.
5. Некрасов, С. Н. Социальный прогресс и проблема фетишизма: постструктуралистская семиология фетишизма и марксистское обществознание / С. Н. Некрасов. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 195 с.
6. Олешкевич, В. И. История психотехники : учеб. пособие для студентов вузов / В. И. Олешкевич. – М. : Академия, 2002. – 304 с.
7. Пигалев, А. И. Культура как целостность : (Методологические аспекты) / А. И. Пигалев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. – 464 с.
8. Пигалев, А. И. Призрачная реальность культуры: (Фетишизм и наглядность невидимого) / А. И. Пигалев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – 354 с.
9. Репина, Л. И. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л. И. Репина // Гуманитарные исследования. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – Вып. 7. – 44 с.
10. Эббингауз, Т. Ассоциативная психология / Т. Эббингауз, А. Бэн. – М. : ООО «Изд-во “АСТ-ЛТД”», 1998. – 526 с.
11. Assmann, A. Schrift, Tradition und Kultur / A. Assmann, J. Assmann // W. Raible (Hrsg). Zwischen Festtag und Alltag. – Tübingen, 1988. – P. 25–50.